

Более 1 000 000 проданных книг автора

ДИПАК
САНДЖИВ

ЧОПРА

УПРАВЛЯЙ СВОЕЙ СУДЬБОЙ

Наставник мировых знаменитостей об успехе и смысле жизни

**Дипак Чопра
Санджив Чопра**
**Управляй своей судьбой. Наставник мировых
знаменитостей об успехе и смысле жизни**
Серия «Гордость человечества»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6995221*

*Управляй своей судьбой. Наставник мировых знаменитостей об успехе и смысле жизни / Дипак
Чопра, Санджив Чопра: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085114-0*

Аннотация

Один из известнейших мировых духовных лидеров Дипак Чопра рассказывает об истории своего успеха. Когда-то он был иммигрантом, одним из сотен тысяч «гастарбайтеров» – и ему удалось не просто «выбиться в люди». Он доказал: иммигрант – это не бич экономики, а человек, за которым стоит мощная духовная традиция, способная стать источником силы и обновления для всех, кто желает следовать своей судьбе.

Содержание

К читателю	6
1. Священная река	8
2. День слепоты	18
3. Магический круг	25
4. Сари-талисман	35
5. Потаенные чудеса	40
6. Рам и Лакшман	48
7. Laus Deo	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дипак Чопра, Санджив Чопра

Управляй своей судьбой.

Наставник мировых знаменитостей

об успехе и смысле жизни

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга опубликована при содействии автора и литературных агентств Деерак К. Chopra and Rita Chopra Family Trust and Sanjiv Chopra c/o Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© 2013 by Деерак Чопра и Санджив Чопра

© Перевод на русский язык: Бродоцкая А., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Книга, которая вдохновляет на свершения! Блестяще написанная, она показывает два совершенно разных пути к мечте. Эта книга дает надежду на то, что все, о чем мечтает человек, может сбыться!

Ларри Кинг

Дипак и Санджив откровенно делятся с читателем своими надеждами и страхами, смешно и одновременно серьезно рассказывают о том, какие препятствия им пришлось преодолеть на пути к успеху.

Мелани Гриффит и Антонио Бандерас

Эта книга навевает на меня теплые воспоминания о моем путешествии в Америку, которое в конечном итоге превратилось в путешествие длиной в жизнь.

Хью Джекман

Дипак Чопра и Санджив Чопра написали невероятно интересную и умную книгу. Взгляды авторов на семейные традиции, профессиональную деятельность и общественную жизнь различаются – но тем не менее книга производит впечатление удивительной цельности.

Ричард Ф. Селеста, посол США в Индии (1997–2001)

Эта книга – о бесконечных возможностях Америки и о том, что дает человеку поддержка родных и вера в себя.

Booklist

Удивительная история о двух индийских братьях, один из которых стал успешным врачом и ученым, а другой блестяще соединил современную медицину и древнюю мудрость. Это потрясающая по силе воздействия история об американской мечте и силе человеческого духа.

Арианна Хаффингтон, президент и главный редактор The Huffington Post Media Group

Эта книга – не просто автобиография братьев Чопра, это история пяти поколений семьи Чопра, от бабушек и дедушек к внукам и правнукам. Праздники и скорби, радости и печали, жизненный опыт и твердая система ценностей – все, на чем держится любая крепкая семья. Эта книга – прекрасная иллюстрация к старой поговорке: «Детство – это судьба». Всем последователям и поклонникам Дипака Чопры нужно прочесть эту книгу обязательно!

Висенте Фокс Кесада, президент Мексики в 2000–2006 гг.

Невероятно богатый с мультикультурной точки зрения, глубокий и проникновенный рассказ об Индии и Америке. Дипак Чопра и его брат повествуют о медицине, исцелении, науке и вере. Эта книга – для всего современного мира, который стремится к глобализации, но в то же время старается сохранить свою уникальность и идентичность.

Уэсли К. Кларк, бывший верховнокомандующий ОВС НАТО в Европе

Книга, написанная честным, открытым и блестящим языком. Эта книга о братстве объясняет, почему наши руки и сердца должны оставаться открытыми. Мы должны быть готовы приветствовать всех, кто встречается на нашем пути. Каждая страница этой книги содержит драгоценную мудрость, которая отсылает читателя к незыблемым истинам, связывающим человечество воедино. Прочитайте эту книгу – и осознайте, как много значит мечта в нашем мире!

Уильям С. Коэн, министр обороны США в администрации президента Клинтона (1997–2001)

Этой книгой Дипак и Санджив элегантно предъявили «права на первородство» в чужой для них стране. Их увлекательное повествование дает читателю прекрасное представление о том, как влияют на человека древние традиции, как в одной душе могут сталкиваться неверие и вера, страх и уверенность, сила и слабость. Эту книгу можно было бы описать одной фразой: «Вы можете покинуть Индию, но она никогда не покинет вас!»

Жаклин Лундквист, бывшая «первая леди» посольства США в Индии

Дипак Чопра и его младший брат Санджив убедительно описали «путешествие своей жизни». Они отказались от преимуществ своей касты (их отец был состоятельным врачом) ради призрачных перспектив в неведомой стране. Это история о традиции, братском соперничестве и удивительных наградах, которые ожидают всякого человека, решившего взять управление судьбой в свои руки.

Посол Элизабет Фроли Бэгли, специальный представитель Госдепартамента США по глобальным партнерствам

Эта книга – не столько о том, как иммигранту ассимилироваться в Америке, сколько о столкновении культур. В ней есть все, что есть в жизни: грусть и веселье, опасения и самоирония, сомнения и надежды.

Publishers Weekly

К читателю

Двойные мемуары для нас – нехоженая тропа. Брать пример было не с кого. Когда два человека пишут вместе, то обычно добиваются, чтобы их голоса слились воедино. Почему же мы решили так не делать? Дипак вполне мог взять себя в руки и не командовать младшим братишкой (он обещал!). Да и Санджив в силах постоять за себя и мягко, но настойчиво оттереть брата в сторону, если возникнет опасность, что его выпихнут из гнезда.

Поэтому мы прибегли к новаторскому способу поведать историю своей жизни: дело в том, что нам самим так было интереснее, вот мы и надеемся, что читателю тоже понравится. Сначала одному из братьев дается полная свобода рассказать, что он помнит, например, о своем детстве в Джабалпуре и Шиллонге – изложить свою точку зрения, свои воспоминания, на свой собственный манер окрашенные ностальгией, фантазиями и подавленными чувствами. А затем вы увидите все то же самое глазами второго брата. Собственно факты при этом не меняются. Большой колониальный дом в Джабалпуре, где к нашему отцу тек неиссякаемый поток пациентов, а мама украдкой кормила самых бедных, существовал на самом деле. Однако факт – не более чем росток воспоминания. И мы решили, что лучше позволить каждому из братьев пожать то, что проросло из его рассады, разрешить прошлому развертываться у каждого по-своему. Между прочим, во время работы над книгой мы не заглядывали в чужие главы. Зато и споров, кто прав, а кто не очень, у нас не было.

Другая причина писать на два независимых голоса – мнение нашего издателя, который считал, что за историей братьев Чопра стоит целая эпоха иммиграции и американской мечты. Мы с братом решили покинуть Индию без гроша в кармане – если не считать интеллектуальной собственности в виде медицинских дипломов и запаса надежд и грез. В семидесятые годы лишь немногие американцы хоть что-то знали об индийской иммиграции, а тем более об «индийской диаспоре». Вообще-то у них и без нас было полно забот – в особенности война во Вьетнаме, из-за которой в стране стало остро не хватать врачей, и именно это обстоятельство открыло двум молодым иностранцам дорогу к медицинской практике в США. Общественное мнение в те годы, прямо скажем, состояло в том, что без иностранных врачей Америке не обойтись, однако им здесь не рады.

Да и Индия не хотела нас отпускать. Правительство запретило письменный экзамен, без которого Америка не выдавала врачам рабочих виз. Обменять на доллары перед поездкой разрешалось лишь сущие гроши. А коллеги сопротивлялись еще сильнее. Родина-мать Индия и ведет себя как мать, крепко держит своих чад и крайне неохотно их отпускает. Хотя мы были тогда очень молоды – и очень хотели доказать всему миру, чего мы стоим, – но все равно чувствовали, что те, кто провожал нас в аэропорту Дели, еле сдерживают слезы, причем не только папа с мамой. Решение оторваться от родины-матери делало нас и не индийцами, и не американцами. Мы избрали двойную судьбу.

При рождении набор генов у однояйцовых близнецов совершенно одинаков, но к тому моменту, как братьям исполняется семьдесят, генетические профили у них становятся совсем разные. Сама ДНК, конечно, не меняется, однако ее активность все эти годы то усиливалась, то спадала – словно тумблер, который включали и выключали тысячи раз. То же самое произошло и с нами, только речь идет об общем наборе культурных генов. Как вы увидите, биографии у нас сложились совершенно по-разному. Дипак сыграл огромную роль в том, чтобы познакомить Запад с индийскими духовными учениями и аюрведической медицинской традицией. Санджив двинулся путем западной медицины и стал преподавателем Гарвардской медицинской школы. Откровенно говоря, временами мы диву даемся, как вообще умудряемся понимать друг друга – ведь мы живем в разных мирах. Вот в чем прелесть и боль подобной близости.

Сегодня люди двойной судьбы встречаются особенно часто. По последним данным Бюро переписи населения США, у 20 % американцев хотя бы кто-то из родителей появился на свет за рубежом. Сама текстура населения Америки стала иной – и вызывает смешанные чувства у обеих сторон. Вот почему братья Чопра решили, что имеет смысл писать двойные мемуары. Двойственность сопутствует нам вот уже сорок лет – и влечет за собой приобретения и утраты, недоразумения и ясность. Как всякие нормальные люди, мы тоже представляем себе, какой могла бы быть наша непрожитая жизнь. Но и та, которую мы прожили, кажется нам символической. Братские узы – понятие универсальное. Формируется личность, потом две личности находят орбиту, чтобы вращаться друг вокруг друга, потом общество вплетает их в коллективную ткань, которая меняется с каждым днем, с каждым часом. Мы хотели поделиться жизненным опытом с каждым из тех, кто выстраивает собственную личность в столь же запутанных и зачастую загадочных обстоятельствах.

*Дипак Чопра,
Санджив Чопра*

1. Священная река Дипак

«Здесь. Сейчас. Давай!»

Если бы жрец не выпалил эти самые слова, я бы по одному его жесту понял, что он велит мне взять у него палку, которую держит в руке. Пора. Я старший сын. Обязанность старшего сына – пробить дыру в отцовском черепе и высвободить душу, которой предстоит обрести следующую инкарнацию.

Об этом древнем ритуале я имел весьма смутное представление. Никогда не видел его своими глазами. И робко покосился на своего брата Санджива. Он – младший сын, его ход – следующий.

Какая жуть!

Однако свои мысли я удержал при себе. Всем заправлял жрец. Мы с Сандживом особой роли не играли: два иностранца, воспитанные по-западному и попавшиеся в капкан традиционных обрядов. Мы прилетели в Нью-Дели, едва получили известие о скоропостижной кончине отца.

Дым от горящих тел окутывал все неопишным зловонием и пятнал небо. Наверное, запах был очень сильный, но в тот момент я его не воспринимал. Каждому костру отводился небольшой участок на особом погребальном берегу, откуда пепел потом сбрасывали в реку. Дрова для кремации отражали положение в обществе: бедным – дешевые, а дорогое душистое сандаловое дерево – тем, кто может себе позволить такую роскошь. Кроме того, тела состоятельных покойников перед сожжением осыпали оранжевыми бархатцами.

Жрец пристально глядел на меня, ждал, когда можно будет продолжать обряд; для него это была повседневная рутина. А у меня тем временем возникло странное чувство отрешенности. Столетия традиции твердили: «Не смейте нас забывать!», и я их слушался – и взял палку из рук жреца.

Я видел очертания отцовского тела в огне, прозрачном на полуденном солнце. Саван сгорел, останки больше походили на скелет, чем на человеческое тело. Почему-то меня не обуял ужас. Словно я смотрел на происходящее со стороны и восхищался блестящей организацией похоронного дела. Огонь пылал очень жарко и быстро препроводил покойного в мир иной.

Всего тридцать шесть часов назад папа был жив. Засиделся у телевизора: смотрел – без особого, впрочем, энтузиазма, – как вступает в должность Джордж Буш-младший. Это было в 2001 году – первая инаугурация. В то утро папа, как обычно, совершил обход в Мулчандской больнице во главе вереницы молодых врачей, а перед сном, поцеловав маму и пожелав ей спокойной ночи, пожаловался, что ему как-то не по себе. Пожалуй, утром стоит показаться К. К. – одному из тех самых молодых врачей, – так, на всякий случай. А теперь на месте человека, пышущего жизнелюбием, зияла пустота.

Что такое взрослый? Взрослый – это тот, кто понимает, как важно делать то, что ему не нравится. И я послушался жреца – вонзил заостренный конец палки в череп отца. Когда-то я читал книгу Майкла Крайтона о жизни врачей, которая начиналась с неаппетитной фразы: «Распилить человеческую голову ножовкой не так-то просто». А пробить в ней дыру очень легко – особенно если она вот-вот обратится в пепел.

Долго ли мне удастся сохранять подобную отрешенность?

Я передал палку Сандживу и даже сумел не отвести глаз и не поморщиться – несмотря на то, что только что проделал. Когда мы вместе, я кажусь молчуном. Однако в ту минуту оба мы торжественно молчали – и оба были в полном замешательстве.

Смерть кого хочешь приведет в замешательство. Оставшиеся в живых сталкиваются не только с глубокой печалью, но и с глубокой пустотой. Пустота рядом с сердцем – это место, которое потом заполнится болью. В буддизме считается, что пустота неизбежна – главное, как ты ее переживаешь. Я еще не знал, что переживу пустоту совсем не так, как надеялся.

Когда два брата исполнили свой священный долг, жрец буднично кивнул. Отпевание длилось несколько часов. Ноги у нас затекли, мы совершенно вымотались, перед глазами все плыло из-за смены часовых поясов.

В одиноких горах на западе Мексики живет индейское племя уичолей, которые ежедневно принимают пейотль – начиная еще с младенчества, буквально с молоком матери. Интересно, кажется ли им нормальным состояние непрерывной галлюцинации? В тот момент мы с Сандживом были словно два уичоля.

Довольно долго я не знал точной даты своего рождения. Сейчас-то я понимаю – какая разница? Ведь никто из нас, по сути дела, не присутствует при собственном рождении – в том смысле, что не осознает его и не помнит. Едва ли мы успеваем подготовиться к появлению на свет. Мозг новорожденного создает нервные связи со скоростью миллион в минуту. У ребенка есть несколько врожденных рефлексов – например, хватательный: малыш «цепляется за жизнь». Антилопа-гну или жираф, родившийся в африканской саванне, должны мгновенно научиться ходить – в ту же секунду, когда они падают из материнской утробы на гостеприимную землю, полную опасностей. Речь идет о жизни и смерти. Мать наскоро вылизывает своего отпрыска, чтобы заставить его подняться, а парад жизни идет себе неспешно своим чередом, только к концу процессии присоединяется несмышленный детеныш на шатких ножках. Человеческое дитя совсем другое. Это полуфабрикат, набросок, требующий прорисовки. Чтобы остаться в живых, новорожденному нужна неустанная забота.

Индийские семьи относятся к этой идее со всей серьезностью. Когда я в тот день – не то в апреле, не то в октябре, – открыл глаза, то увидел с полдюжины ближайших родственников: взволнованные сияющие тетушки, двоюродные сестры, повитуха и моя мама. И это была еще очень малочисленная компания, как оказалось впоследствии: долгие годы со мной в одной комнате постоянно находилось гораздо больше народу. Я был первым ребен-

ком доктора Кришана Лала и Пушпы Чопра и родился в Нью-Дели по адресу Бабар-роуд, 17. Благодаря тому, что я родился в толпе, у меня никогда в жизни не было приступов экзистенциального одиночества. Мне очень приятно, что меня назвали Дипак, поскольку это имя многих заставляет улыбнуться. «Дипак» значит «свет», а я родился во время Дивали, праздника огней. На улицах пускали фейерверки – и очень кстати, потому что они заглушали грохот выстрелов: это мой дедушка на крыше палил от радости из старой армейской винтовки. Город сверкал огоньками тысяч масляных ламп, символизирующих победу добра над злом. Назвать ребенка «Дипак» – повод улыбнуться.

Огорчало нас только одно: отца при этом не было. В 1946 году война еще не кончилась, и он отбыл на бирманский фронт и, скорее всего, находился там и в день моего рождения, хотя где точно – неизвестно. Он увидел новорожденного сына лишь через двадцать дней.

Однако родители изменили дату моего рождения в документах – не 22 октября, а 22 апреля, – не из-за политических неурядиц, страха или суеверия: это была формальность, необходимая, чтобы отправить меня в школу на год раньше. Передвинув день рождения на 22 апреля 1947 года, родители смогли отдать меня в первый класс, как только в очередной раз переехали. Признаться, я до сих пор не очень хорошо понимаю, как и зачем это сделали.

У индийцев в обычае оценивать каждый день – удачный он был или неудачный. Родиться в Дивали – бесспорно благое предзнаменование, тут никто не станет спорить, но особенно это благоприятно для врача, поскольку во время праздника чествуют Лакшми, богиню здоровья и процветания. (Слово «богиня» здесь способно сбить с толку. Я воспитан в вере в единого Бога. А все индийские боги и богини – лишь ипостаси единого Бога, для которого нет множественного числа.)

Каждое утро моя мать зажигала светильник и совершала ежедневную «пуджу» – домашний религиозный обряд, а мы с Сандживом всегда были рядом: главная прелесть обряда для нас состояла в том, что молитвы мама пела, а голос у нее был очень красивый.

В доме у нас всегда было много гостей и пациентов всех конфессий, и обо всем заботилась мама. Отцовской религией была медицина. Он был военный врач, а военным врачам тогда разрешалось по выходным заниматься частной практикой. Я с самого детства понимал, что мой папа – особенный врач. Современные кардиологи делают ЭКГ, чтобы разобраться, как ведет себя сердце пациента, а у моего отца сложилась репутация доктора, способного собрать ту же самую информацию при помощи одного лишь стетоскопа – по звуку биения сердца. Отец на слух определял время между сокращениями двух сердечных камер – предсердия и желудочка – с точностью до долей секунды. ЭКГ стали широко использовать только в сороковые, и отца обучил расшифровке кардиограмм один английский военный врач, получивший назначение в Индию. В воспоминаниях врача, практиковавшего в те времена, сказано, что тогда кардиология «сводилась к умению слушать при помощи стетоскопа», однако мой отец снимал показания с точностью, которую считали чем-то сверхъестественным.

Пока отец служил в Джабалпуре, мы жили в большом колониальном доме с широкой подъездной дорогой, обсаженной манго и гуавами. Пациенты съезжались к отцу со всей Индии, репутация Кришана Лала крепла. Мама обычно устраивалась на веранде с вязанием. Она следила, как именно прибыл пациент – пешком или на машине с водителем. Платы отец не брал ни с кого, но когда наш дом покидал бедный пациент, мама украдкой посылала к нему слугу Лакшмана Сингха, чтобы тот накормил его, а если у него совсем нет денег, купил билет домой. Когда я вспоминаю Лакшмана Сингха, у меня просто в голове не укладывается, что он попал в дом в составе маминого приданого. Тогда ему было четырнадцать лет. (Насколько мне известно, сейчас ему за восемьдесят, и он пережил и отца, и маму.)

Когда мне было десять и мы переезжали из гарнизона в Джабалпуре на следующее место назначения в Шиллонг, проводить отца на станции собралась довольно большая толпа: все старались прикоснуться к его ногам, плакали и смеялись. А я держал Санджива за руку

и дивился такому бурному проявлению чувств, тому, что отъезд отца так глубоко огорчает так много народу.

Моя мама жила жизнью детей и работой мужа. Она поджидала его из больницы и подробно расспрашивала, с какими случаями он сегодня сталкивался. А ты исключил отек легких? Ты проверил, нет ли мерцательной аритмии? Мама стала заправским диагностом и даже предсказывала, как будет развиваться заболевание, и если больной не выздоравливал, качала головой со смесью скорби и самодовольства. Еще она молилась за больных и принимала самое горячее участие не только в диагностической работе, но и в личной жизни больных. Отец, впрочем, тоже. Откуда мне было знать, что у подобной медицины нет будущего? В то время об иных подходах и не слышали.

* * *

На следующий день после кремации мы с Сандживом пришли к месту погребения и помогли просеять отцовский прах. Груды золы уже можно было осторожно ворошить, и если в ней попадались кусочки костей, бережно складывали их в мешочек. Атмосфера была уже не такой жуткой, как накануне. Галлюцинации развеялись. В небе густо клубился дым от следующих костров. У рыдающих женщин были разные лица, если только скорбь может быть многоликой. Тут жрец вдруг вытащил из золы обломок грудины с двумя ребрами. И почему-то очень обрадовался.

– О, ваш отец был просветленный! Смотрите, вот доказательство! – воскликнул он. С его точки зрения, обломок был похож на сидящую фигуру в самадхи – в глубокой медитации.

Мама страдала артритом, была прикована к инвалидной коляске и на церемонии не присутствовала. Самые близкие родственники не бывают на похоронах довольно часто, это вовсе не считается чем-то из ряда вон выходящим. У меня еще не было времени понять, какие чувства на меня надвигаются, но я чувствовал, как они пахнут, ощущал едкую горечь, которой не мог подобрать названия. Наверное, то, что в Индии смерть и похороны требуют такой кипучей деятельности – мудрый древний обычай, не позволяющий оцепенеть от потрясения. С тех пор, как я приехал, расплакался на моих глазах только один человек – повар Шанти, который встретил меня у порога, когда я подъехал к родительскому дому на Линк-роуд в округе Дефенс-Колони в Южном Дели. Этот район получил свое название – Оборонная Колония – поскольку там строили свои дома индийцы-ветераны Второй мировой войны, которым в награду за доблесть дали бесплатные участки.

Этот дом был построен на участке, который получил мой дед с материнской стороны; дом кирпичный, трехэтажный, одна его стена выложена речными камнями. Дед не покидал строительной площадки днем и ночью, сам придирчиво отбирал камни и говорил рабочим, как их укладывать. В то время таких фасадов ни у кого не было, это была необычная деталь. Клочок земли перед домом украшают несколько розовых кустов и ухоженная лужайка, но сказать, что это тихая гавань, нельзя. Линк-роуд – оживленная улица, и в доме негде укрыться от шума.

Увидев горе Шанти, я расплакался, когда мы обнялись. Но потом не припомню ничьих слез – ни своих, ни чужих. Кстати, и на кремации никто не рыдал. Женщины у нас в семье сильные. Мама была у себя в комнате – сидела и ждала. В последнее время она сильно сдала, и никто не ожидал, что она переживет отца. Надо было подумать, где она теперь будет жить. Мы понимали, что нам придется иметь дело с первыми признаками исподволь надвигающегося старческого слабоумия. Но в ту первую ночь никто об этом не думал. Мама была собранна и рассудительна. Я запомнил только одну ее фразу: «Твой отец наверху. Я просидела всю ночь рядом с ним».

Тело отца лежало на полу в спальне на третьем этаже. Оно было завернуто в саван, не закрывавший лицо. Я не увидел ни малейшего сходства с папой в этой маске с сероватой кожей. И сидел до рассвета, перебирая в памяти беспорядочные воспоминания. В детстве нас с братом очень любили, никаких неприятных картин в памяти не всплывало, а значит, и ничего выдающегося. Так называемые военные городки – гарнизоны, где мы жили. Мама, обедающая вместе с кухаркой: традиционную систему каст родители не признавали. Черета безмяннх больных, текущая в наши двери. Мой отец в молодости – такой красивый в форме, вся грудь в блестящих медалях. Хотя по натуре он был человек скромный, ему нравилось, что у себя дома он царь и бог.

Санджив прилетел из Бостона и оказался на Линк-Роуд раньше меня, но так вымотался в дороге, что его отправили в постель. Когда я утром спустился в кухню, он ждал меня. Мы не сказали друг другу никаких красивых слов; честно говоря, мы вообще почти не разговаривали. Скоро должны были приехать другие родственники – члены нашей большой семьи. Жена Санджива Амита прилетела с ним, а мы с моей женой Ритой договорились, что она прибудет позднее, после четырех дней траура, и поможет маме уладить отцовские дела и разобраться с документами.

На третий день мы с Сандживом поехали на машине на север, в Харидвар – туда было четыре-пять часов пути. Нам предстояло бросить в Ганг кусочки костей, оставшиеся после кремации. Снова верх одержали врожденные культурные ценности. Город Харидвар – один из семи главных священных городов в индуизме. Его название переводится «Господни врата»: именно там Ганг, текущий с Гималаев, минует пороги в Ришикеше, долине святых, и вытекает на равнину.

В городе царил священный хаос. Едва мы вышли из машины, как на нас налетел целый рой жрецов с назойливыми вопросами о нашей семье – как звали отца, деда и так далее. Вдоль реки стояли храмы, и бесчисленные толпы заходили в реку, чтобы совершить омовение. Вечером по воде пустили флотилию огоньков – словно мерцающее отражение звездного неба.

Когда жрецы сочли, что вопросов и ответов уже хватит, нас с Сандживом провели по узкому проулку, полному крошечных лавчонок и забитому паломниками и ревущими мотоллерами. В каком-то дворике жрец развернул длинный пергаментный свиток. Прежде чем развеять прах над Гангом, родные усопшего должны отметить – оставить свое послание в семейном свитке. Причем это делается не только в случае чьей-то смерти. Вот уже сотни лет сюда стекаются те, кто хочет запечатлеть важную веху в жизни – например, рождение ребенка или вступление в брак.

За дни траура по отцу я от усталости стал рассеянным. А теперь, при виде записей, оставленных моими предками, я вдруг сосредоточился. Мне бросилось в глаза, что последние несколько записей в нашем свитке – по-английски. Вот мой отец приехал развеять прах своего отца. Мой дед приезжал сюда сразу после Первой мировой «совершить омовение в небесных водах» с молодой женой. До этого записи велись на хинди и урду, и если связь поколений не прерывалась, восходили к первым пророкам риши, которым были дарованы веды – к тем, от кого пошла духовная родословная индийцев еще до того, как зародилась религия под названием индуизм.

Не то чтобы я сильно интересовался нашей генеалогией, но тут был почему-то тронут. И вписал послание собственным детям: «Вдыхайте запах предков». Этот момент я запомнил навсегда. А потом в отцовской комнате нашли сложенную записку с прощальными словами. Когда он ее написал и было ли у него предчувствие близкой смерти, мы не знаем. В записке говорилось, что хотя жил он очень счастливо, но возвращаться не собирается. Я невольно вспоминаю персидского поэта-мистика Руми: «Когда я умру, то воспарю с ангелами. А когда умру для ангелов, невозможно себе представить, кем я стану».

Однако этот миг ощущения полноты жизни тут же миновал. Если считать, что жизнь колеблется от моментов наивысшего экстаза до самых блеклых, у меня смена настроения произошла мгновенно, безо всякого перехода. Я пал духом и загрустил.

Мне хотелось поговорить с Сандживом о том, как он понимает судьбу. Хотелось услышать, что он скажет. Но дни шли, а я не решался к нему обратиться. Когда мы сравнивали наши представления о жизни, столь разные, то в вопросе о судьбе никогда не сходились. Я представитель нетрадиционной медицины, он – светило традиционной. Да, у братьев общие гены, общая семья, общая культура, которая вплетает их в свою многоцветную ткань. Об этом нам с Сандживом не нужно было и говорить. Однако даже близнецы, обладающие одинаковым набором генов, все же не клоны. А к семидесяти годам их генетические профили станут совсем разными. Гены то включаются, то выключаются. Они прислушиваются к миру, подслушивают каждую мысль, желание, опасение, мечту. Так что близнецы отличаются друг от друга не меньше, чем все мы, хотя и связаны незримыми узами. Наделены ли чем-то подобным мы с Сандживом? Папа бросил нас на милость нашей мечты о потусторонней жизни. Сбылась ли его мечта – или он просто исчез?

Развевая прах, мы с братом вернулись на Линк-роуд после полуночи. Мешочек из-под отцовского праха был пуст и валялся на заднем сиденье. По дороге домой мы не признались друг другу, что у нас на сердце. Через четыре дня родственники разъехались. Приехала Рита, я ввел ее в курс дела – и так же быстро, как ступил во владения смерти, вернулся под калифорнийское солнышко. Однако, похоже, из владений смерти так просто не уедешь. Меня одолевал всепоглощающий мрак. Отца больше не было. От него ничего не осталось. Он отправился туда, куда когда-нибудь за ним последую и я.

Духовное пробуждение начинается в тот миг, когда понимаешь тот простой факт, что большинство людей всю жизнь стараются не думать, что Смерть подстерегает нас на каждом углу. Не сказал бы, что до Харидвара я сам остро это понимал, однако в детстве смерть меня буквально пробудила.

Мне было шесть лет. Родители уехали в Англию, чтобы отец завершил образование как кардиолог. Нас с Сандживом оставили в Бомбее у дедушки со стороны отца и двух дядьев. (Пока родители учились или ездили по делам либо когда нам надо было учиться в школе, мы с Сандживом часто жили у разных родственников. Дядюшки и тетушки были нам как вторые родители. Так уж в Индии повелось.)

В то время индийцы не так уж часто ездили в Лондон учиться медицине. Однако у моего отца был случай особый – он был лечащим врачом лорда Маунтбаттена, последнего вице-короля Индии. В 1947 году Маунтбаттен получил приказ в считанные месяцы сделать страну свободной. События развивались стремительно, и три века колониализма завершились в один миг – никто о них и не вспоминал. Последовало смутное время, но Маунтбаттен не забыл моего отца – и именно благодаря ему перед Кришаном открылась широкая дорога к медицинскому образованию. Однако этого было недостаточно, чтобы преодолеть глубоко въевшиеся предрассудки. Во время обходов в Британском армейском госпитале в Пуне отцу приходилось плестись в хвосте у белых врачей. Ночами он корпел над учебниками, чтобы быть готовым к любым каверзным вопросам главврача, но к нему все не обращались. Смотрели как на пустое место. Отец был словно молчаливым спутником-плебеем при процессии английских аристократов. Но вот однажды утром у постели больного другие молодые врачи оказались в тупике – трудно было поставить диагноз. Тогда главврач повторил вопрос, обращаясь к отцу – а тот знал ответ. И мгновенно заслужил уважение.

Какими бы утонченными и терпимыми ни были мои родители, никто никогда не сомневался, что между белыми и индийцами пролегла незримая грань. Большинство английских колониальных чиновников, получивших назначение в Индию, выросли в викторианские времена и стремились в колонии, чтобы либо избежать позора, либо разбогатеть. В те годы все

состояние получал старший сын, средний шел в университет и становился священником, а младший или самый бестолковый становился военным. Индия была запасным выходом, шансом подняться по общественной лестнице выше, чем удалось бы дома. Чиновники на жалованье жили как раджи. Колониальные клубы были оплотом претенциозности – даже в Лондоне не было таких чопорных джентльменов. Англичане рвали себя переангличанить.

Когда мои родители стали взрослыми, эта жесткая иерархия немного пошатнулась, однако презрение и безразличие к индийской культуре никуда не делись. Неудивительно – так всегда и бывает, когда завоевываешь чужой народ и он тебе нужен только для грабежа и наживы. С меркантильной точки зрения, Индия была жемчужиной в британской короне. Особой военной необходимости ее оккупировать не было – только возможность несказанно обогатиться.

Семейство Чопра старалось держаться поближе к англичанам, потому что другой общественной лестницы у них не было. Мой прадед был вождем племени, жившего в бесплодной пустыне в Северо-западных территориях, и за отказ выступить на стороне британской армии его расстреляли, привязав к пушечному стволу. Такова семейная легенда. Его убили, но его сын, мой дед, согласился стать сержантом в британской армии, так как это гарантировало ему пенсию. Связь с белыми колонизаторами стала у нас второй натурой. Англия была еще одной страной, где повседневная жизнь строилась вокруг чая, чатни и кеджери. И в Англии, и в Индии все замирало, когда по радио передавали результаты крикетных матчей, и ставили крикетных звезд чуть ли не выше богов.

И все же когда мой отец был готов отправиться в путь, мать, которая должна была последовать за ним только некоторое время спустя, заставила его дать одно обещание. Как только отец высадится в Саутгемптоне, он должен почистить свои ботинки у чистильщика-англичанина. Отец так и сделал и потом рассказывал, как было приятно сидеть на высоком кресле и смотреть, как перед ним склоняется белый человек. Об этом эпизоде отец в грядущие годы вспоминал без гордости, но и без сожалений. Англичане считали, что империя правит Индией мягко и благосклонно (даже рабство в какой-то момент запретили), однако угнетенному народу казалось, что с их душевных ран каждый день с кровью сдирают повязки.

Отец отправился в Эдинбург держать экзамены на медицинскую лицензию – считалось, что в Лондоне их сдавать рискованно, там якобы задавали более сложные вопросы, – а когда в Бомбей пришла весть, что он все сдал, дед был на седьмом небе от счастья. Как и в день моего рождения, он забрался на крышу нашего дома с винтовкой и несколько раз выстрелил в воздух. А потом повел нас с Сандживом в кино на «Али-бабу и сорок разбойников» – мы были в восторге. Мало того, дед так ликовал, что повел нас еще и на ярмарку и закармлил сладостями.

Среди ночи я проснулся от горького женского плача. Прибежали служанки, подхватили нас на руки. Нас безо всяких объяснений отправили к доброй соседке. Потом мы узнали, что дедушка умер во сне. В шесть лет у меня еще не было сложившегося представления о смерти. В голове от растерянности вертелась одна мысль: «Где же он? Пусть мне скажут!» Сандживу было три, и у него на смерть деда была реакция в виде загадочной кожной болезни. Его положили в больницу, но диагноза поставить так и не смогли. Однако один врач выдал объяснение, которое мне и по сей день кажется верным:

– Ему страшно. Кожа нас защищает, а он чувствует себя беззащитным, поэтому она шелушится и облезает.

Этот доктор сказал, что Санджив поправится, едва приедут родители, – и так и произошло.

Назавтра мы услышали, что дедушку кремировали. Двух малышек на церемонию не взяли, но один из моих дядьев там был и вернулся с горькой усмешкой. Он был журналист – и я перед ним благоговел. Дядя не знал, что я его слышу, и выпалил:

– Бау-джи еще вчера веселился с мальчишками, и что он теперь? Горстка золы в глиняном горшке!

Я всегда с осторожностью говорю о судьбоносных моментах. Уж слишком много вихрится кругом всего того, что влияет на нас, и многие тайные мысли и забытые случаи просачиваются изнутри, из подсознания. Специалисты, изучающие память, говорят, что самые яркие воспоминания детства зачастую обманчивы: на самом деле это сплав множества похожих событий. Травмы тоже сливаются воедино. Все Рождества превратились в один счастливый день. Однако дядины слова, похоже, вполне могли определить мой путь. Однако, даже если так, они много лет таились в подсознании – пока смерть ходила за мной по пятам, а я запрещал себе оборачиваться через плечо.

В заключение рассказа об этом случае я не могу не упомянуть о том, что старики, по всей видимости, сами назначают себе время смерти – некоторые исследования это подтверждают. Они ждут знаменательной даты, дня рождения или, скажем, Рождества. После крупных праздников смертность среди престарелых заметно возрастает. Я получил трогательное подтверждение этому задолго до того, как подобные факты привлекли внимание статистиков. В больницу прибыла пожилая пара. Муж был на пороге смерти – кажется, на последней стадии рака. Состояние жены было куда лучше – уж точно не тяжелое. Однако она быстро сдавала, а он держался, как ни наступала болезнь. Я был тогда молодым врачом и должен был ежедневно их осматривать, и вот однажды утром, к своему ужасу, узнал, что жена умерла во сне. Я сообщил горестную весть ее мужу – и увидел, что он, как ни странно, вздохнул с облегчением.

– Ну, теперь и мне можно уходить, – сказал он.

Я спросил, что он имеет в виду.

– Джентльмен всегда пропускает даму первой, – ответил он. И скончался через несколько часов.

* * *

Ну вот, теперь я взял разгон и могу рассказать свою историю – и именно здесь она пересекается с историей Санджива. В глубине души мне кажется, что мы затеяли что-то странное, хотя я давно зарабатываю на жизнь словами. Когда ты знаменит, у этого есть обратная сторона – впрочем, она и лицевая, это как посмотреть: всем кажется, будто они тебя уже знают. Я долго мирился с этим заблуждением. Как-то раз я, например, приехал с лекцией в больницу в Калгари и увидел там кучку монахинь с лозунгом: «ДИПАК ЧОПРА – ИНДУИСТСКИЙ САТАНА». В Интернете всякий может почитать блоги ученых скептиков, где меня клеймят как «Императора Ву-Ву» (не знаю, что это такое, но звучит, по-моему, мило, как в стихах детского поэта доктора Сьюза).

А кто-то взирает на меня благосклонно, с улыбкой называет меня гуру (в жизни сам о себе так не подумаю – и не потому, что это слово отдает западным шарлатанством, а потому что в Индии это почетный титул). Однако никто никогда не спрашивал меня прямо, кто я такой. Индеец по рождению, американец по своей воле. Один из великой послевоенной диаспоры, разбросавшей жителей Южной Азии по всему свету от Африки до Карибского моря. Врач, выпускник Всеиндийского института медицинских наук – спасибо щедрости Рокфеллера и череде американских профессоров, приезжавших к нам в качестве временных преподавателей. Мои чемоданы, как у всех, покрыты наклейками со всех остановок, которые я делал в жизни с момента рождения. Хотите знать, кто я такой? Посмотрите на наклейки.